

О РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

Читайте в серии:

ОЛЬГА,
ЛЕСНАЯ КНЯГИНЯ

•

ТАЙНА
ДРЕВЛЯНСКОЙ КНЯГИНИ

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ ЗИМНИХ ВОЛКОВ

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ РУССКОЙ ДРУЖИНЫ

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

ВЕНЕЦ,
ПРЯМИСЛАВЫ

РОМАН

МОСКВА 2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Д. Сазонова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Дворецкая, Елизавета.
Д24 Венец Прямыславы : роман / Елизавета Дворецкая. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-699-90831-8

Выданная замуж по политическим соображениям, Прямыслава семь лет жила вдали от мужа. Он был для нее совершенно чужим человеком, и девушка уже свыклась с мыслью, что подчинит свою жизнь чувству долга, однако случайная встреча перевернула все с ног на голову. Одна незадача — в момент знакомства с молодым сыном перемышльского князя на княжне было холопское платье, надетое для маскировки во избежание дорожных неприятностей...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90831-8

© Дворецкая Е., 2016
© Нартов В., иллюстрация на переплете, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Перемышль, 1112 г.

— Расскажи про деда Боняка!

— Уже не до рассказов, тебе давно спать пора! И так сколько времени внизу проболтался, не дозовешься тебя! Мал ты еще на пирах до свету рассиживаться!

— Дружина же сидит, а где дружина, там и князь! Отец так говорит.

— Вот пусть отец сам и восседает. А ты спать должен. Ты ведь еще меч не получил, значит, не князь.

— Я буду князем!

— Будешь, будешь. А теперь спи.

— Сначала расскажи про Боняка!

Разговор пошел по кругу. Княгиня Юстина Боняковна вздохнула: восьмилетний сын был упрям, как бычок, и у нее не хватало сил с ним спорить. Уже сорок раз, кажется, она рассказывала про своего отца, а его деда — половецкого хана Боняка, но Ростислав мог слушать о нем бесконечно. Снизу, из гридницы, доносился шум — там пировала дружина перемышльского князя Володаря, из гущи которой едва удалось извлечь не в меру бойкого княжича.

— Смотри, вон и Володыша спит уже, и Ярша угомонил. Они сил набираются, завтра будут воевать, — шепотом уговаривала сына княгиня, кивая на двух его старших братьев. — А ты будешь как муха сонная.

— Не буду. Рассказывай! — требовал Ростислав, уверенный, что мать скоро уступит. И даже слегка подпрыгивал на лежанке, изображая, будто скачет во весь опор на боевом коне.

Близилась полночь, у княгини слипались глаза, но она знала, что сын не отстанет, пока не добьется своего.

— Тогда шла война, — принялась рассказывать она полупшепотом, чтобы не разбудить двух старших княжичей. — Безбожный бунтарь князь Ярославец Святополчич пришел на нас с ратью и князьями угорского да ляшского привел с собою. Подошли они сюда, к Перемышлю, и обступили град...

— Чтобы ни мышь не пробежала, ни птица не пролетела? — подсказал Ростислав.

Он уже все сам знал, но боялся, что мать что-то забудет и испортит всю повесть.

— Чтобы ни мышь, ни птица, никто, — согласилась княгиня. — А князь Давид поехал в Поле Половецкое искать там помощи. И встретил на Вагре-реке хана Боняка и войско его в восемь тысяч конных гридей. Согласился хан Боняк помочь князьям перемышльским и пошел с Давидом. Вот стало войско на ночлег, а в полночь вышел хан Боняк один в поле. И начал он выть по-волчьи, и ответил ему сперва один волк, затем другой, а потом целая тысяча волков. Вернулся Боняк к Давиду и сказал, что победит он завтра множество врагов...

Ростислав слушал, как завороченный: больше не перебивал, не шевелился, едва дышал. Мороз подирал по коже, когда он представлял все это: ночь, лес, река, блестящая серебром под луной, а между рекой и лесом — странный, непонятный человек наедине с луною, в шапке с волчьим хвостом, сам похожий на волка, такой же дикий, опасный, загадочный, как серые Хорсовы псы. Он воет, выпевает тя-

гучую песню войны и крови, и хищники отвечают ему из леса, признавая в нем собрата и вожака...

— Ты, волчий внук! — презрительно бросал ему старший брат Владимирко. — Дед твой — поганый нехристь, да еще и оборотень!

Владимирко и Ярослав были старшие сыновья перемышльского князя от его первой жены, черниговской княжны. И в тот самый год, когда хан Боняк волчьим голосом заклинал победу, овдовевший к тому времени Володарь взял в жены дочь Боняка, надеясь покрепче привязать дикого, алчного и ненадежного союзника. При крещении Айбике получила имя Юстина. Ее единственный сын, на четверть угорец¹, наполовину половец, уродился среднего роста, смуглым, с черными волосами и выступающими скулами. Красавцем его трудно было назвать, зато он рос здоровым, подвижным и сообразительным. Поначалу Володарь только забавлялся, глядя на выходки своего «половца», но постепенно привязался к нему и полюбил сильнее двоих старших. А Ростислав не спускал братьям насмешек и отважно кидался на них с кулаками. И нередко выходил из этих схваток победителем, поскольку отличался крепостью, быстротой и напором.

— Князь растет! — с удовольствием приговаривал Володарь.

Ростислав очень любил Сказание о хане Боняке. Десятилетним мальчиком он собирал себе в детинце такую же малолетнюю дружину и играл в ту давнюю битву. Хана Боняка, конечно, представлял он сам: сначала выл, потом обещал войску победу. Затем кто-то из мальчишек, избра-

¹ Матерью Володаря и бабкой Ростислава была дочь венгерского короля. (Здесь и далее примечания автора.)

жавший батура Алтунопа, должен был выйти к вражескому войску, выпустить одну стрелу и вернуться, а там уж сам «хан Боняк» начинал сражение. Поначалу он обманывал «угорского короля» притворным отступлением, заманивал его в ловушку, а после ударял в тыл, рассеивал вражеское войско и брал огромную добычу!

Так они воевали, пока однажды игру «в Боняка» не увидел настоятель Иоаннова собора отец Овксен и не устроил Ростиславу выговор.

— Ведь хан Боняк, поганец безбожный, не просто так выл, а волшеббу бесовскую творил! — исторгал он грома праведного негодования над повинной черноволосой головой княжича. — Злых духов он призывал, чтобы они сатанинской силой ему в битве помогали! Христианину и помыслить о том неуместно, не то что подражать! Кайся теперь, чадо, проси прощения у Господа, что по детскому неразумию в такой грех впал!

Ростислав каялся, но где-то в глубине сознания жила мысль: ведь Боняк действительно одержал победу. А хотя бы и волхвованием! Мальчик с детства знал, что за обладание волостью¹ придется постоянно воевать и со своими, и с чужими. Бог в эту борьбу не вмешивается, а значит, надо справляться как получится.

Тем более что князь-отец на него не сердился.

— Пусть воюет! Еще как потом пригодится! — говорил Володарь, когда его младшенький являлся домой в рваной одежде, весь в пыли и ссадинах. — Пусть знает, что можно силой воевать, а можно и хитростью.

Вместе с теми же мальчишками, подрастая, Ростислав проходил обучение — бегал, боролся, учился владеть ору-

¹ Волость — область, принадлежавшая определенному городу.

жием. В двенадцать лет он получил меч, а мальчишки, сыновья гридей, стали его собственной ближней дружиной.

— Да твой дед был предателем! — возмущался Владимирко. — Он ведь шел сюда не нам, а Святополку помогать. Давид же уговорил его переметнуться, потому что от угорцев он надеялся больше добычи взять!

— Пусть бы твой дед столько взял где-нибудь! — огрызнулся Ростислав. — А за предателя сейчас получишь!

Дело кончалось криками, воплями, расквашенными носами, каплями крови на утоптанной земле. Этого Володарь уже не одобрял. У его сыновей имелось слишком много внешних врагов, чтобы они могли позволить себе драться между собой.

Со временем и Ростислав это понял, да и Владимирко перестал его дразнить. Хан Боняк, хоть и помог один раз Перемышлю, всю жизнь оставался опасным врагом Русской земли, принесшим ей много зла. Володарю нелегко далось то решение — привлечь язычников-половцев для войны со своими братьями-христианами. Но выбирать не приходилось: Святополк не успокоился бы, пока не отнял у братьев Ростиславичей, Володаря и Василька, все их города.

И вот Ростиславу исполнилось ни много ни мало — двадцать лет; детские забавы давно сменились нешуточными заботами, а игра в войну — настоящими битвами. О том, что он сам уже успел пережить, матери рассказывали детям перед сном. Но и теперь, засыпая где-нибудь в полевом стане и слыша далеко над лесом волчий вой, он снова видел все это: ночь, луну и узкоглазого человека в волчьей шапке, поющего песню войны и победы. И что-то отзывалось в его душе на эту песнь, как будто какой-то темный бог его предков ходил рядом, смотрел в затылок, манил за собой...

Глава 1

Берестье¹, 1124 год, весна

Давно отзвонили колокола Успенского собора, созывая на обедню, но княжий терем не спешил откликнуться на их призыв. Близился полдень, а берестейский князь Юрий еще не выходил из опочивальни, и отроки в верхних сенях перед горницами, якобы охранявшие его покой, спали тоже, повалившись на охапки соломы. Юрий любил погулять, и пиры у него затягивались обыкновенно до рассвета. Гридница была полна бесчувственных тел — иные гуляки вчера не сумели доползти до дружинных изб. Бояр и городских старост, которые, хотя и не слишком одобряли буйство своего князя, никогда не отказывались от его приглашений, развела по домам собственная челядь.

Таким образом, четверых гостей, отстоявших обедню в Успенском соборе в надежде, что Бог поможет их замыслам, встретили на княжьем дворе только тишина и сонная одурь.

— Поле битвы, истинный крест! — пробормотал один, хорошо одетый, в желтой бархатной шапке, отороченной собольим мехом, по виду боярский сын. — Вот тогда под Владимиром я такое же видал...

¹ Современный Брест.

Они стояли в сенях перед гридницей, а на пороге лежал какой-то длинноусый гридень с шишкой на лбу и таким страдальческим выражением лица, точно его пытали, а он, держась из последних сил, все-таки не сдавался.

— А ты, Гостяйка, надеялся в храме с князем поздороваться! — поддел боярского сына спутник — светловолосый, с выпуклыми голубыми глазами. — Тутошних, как видно, и соборными колоколами не разбудишь.

— Растормошим! — весомо заметил третий, боярин средних лет, с сединой в рыжеватых волосах. — Как узнают, с чем прибыли, враз забегают. Ну, Коврига, чего стоишь? Пихни его как следует, а то помрет во сне без покаяния!

Последнее относилось к четвертому спутнику, и он, живо нагнувшись, стал трясти длинноусого. Однако тот, не просыпаясь, лишь замычал, да так мучительно, словно просил добить его.

— Эй, есть тут жив человек? — во все горло заорал голубоглазый, которого звали Корило.

— Чего голосишь-то? — Со двора в сени вошла женщина такого могучего сложения, что гости невольно попятнулись. На поясе ее звенела большая связка ключей, указывая на должность. — Вы откуда, гости дорогие? — уже вежливее добавила она, разглядев хорошую одежду и уверенный вид незнакомцев. — Если к князю, то рановато еще. Обождать надо немного. Князюшка не вставал покуда.

— Погуляли, видно, вчера? — Корило кивнул на длинноусого.

— Погуляли! — Ключница вздохнула, поскольку гораздо больше, чем сам князь, задумывалась над тем, во что обходятся его постоянные гулянки.

— Разбудила бы ты его, мать! — посоветовал Гостяйка. — Тут дело такое...

— Не война ли? — Женщина переменялась в лице и схватилась за железную фигурку уточки, висевшую в ожерелье.

— Напротив того, радость! — наставительно пояснил старший из приезжих. — Поди скажи, что приехали из Турова боярин Самовлад Плешкович, сын боярский Доброгость Даливоевич и иные лучшие мужи с ними!

Купца Корилу и своего слугу Ковригу он не посчитал нужным упоминать, но ключница и без того захлопотала.

— Проходите, гости, проходите! — Она протиснулась мимо них, заглянула в гридницу, не зная, куда посадить среди такого развала. — Ратайка, Доволька, да где же вы, лешие, провалились! — закричала она во двор. — Полдень, обедня прошла, а тут конь не валялся!

— Даже не прибежал еще! — вставил Корило и ухмыльнулся.

— Да уберите хоть это идолище! — Не дожидаясь помощи, ключница сама схватила длинноусого страдальца за плечи и спихнула с порога, освобождая гостям путь. — Проходите, люди добрые, проходи, боярин, сделай милость!

Влетев в гридницу впереди них, она споткнулась об упавший деревянный ковшик, отшвырнула его в сторону, торопливо вытерла передником край лавки и сложила руки, показывая, что эту лавку может предложить гостям с чистой совестью. Опасливо подбирая полы дорогого зеленого плаща, боярин Самовлад с важным видом уселся, а ключница выскочила в сени. Со двора сразу же послышался ее громкий голос.

Кто-то с топотом пробежал по лестнице вверх; Корило потешался, прислушиваясь к происходящему в тереме, и подмигивал Гостяйке, который, напротив, старался сохранять важный и неприступный вид, как и подобает послу. А горничная девка, проворная, хотя и некрасивая Жалейка, уже пробралась в горницу и теперь тербила там кого-то:

— Вставай, княже, вставай! К тебе из Турова приехали, от тестя, боярин такой важный! Да вставай же, обедню проспал, войну проспичь!

Всклокоченная русоволосая голова поднялась над подушкой и тут же упала опять.

— Поди ты к лешему, коза! — протянул другой голос, женский, и из-за пышной подушки поднялось хорошенькое юное, хотя несколько помятое и утомленное, личико. — Не видишь, спим! Что орешь, как на пожаре?

— Вставай, Ялька! Хорошо, сюда не полезли, в гриднице уселись!

— Да кто?

— Из Турова приехали, говорю вам, от тестя! От Вячеслава туровского! А если бы влезли сюда и тебя, дуру, в постели у князя нашли? Тогда война, вот вам! Допируетесь!

— Чего — война? — хрипло спросил, наконец, сам Юрий, с трудом разлепляя припухшие веки. — С кем?

— Матушка Пятница, да со всем светом! — Жалейка уронила руки и с укором посмотрела на него. — Вставай, батюшка! Приехали к тебе бояре из Турова, говорят, дело важнее некуда!

— Уж не помер ли Вячеслав? — оживился Юрий и сел в постели, оправляя сбившуюся сорочку и пытаясь пятерней расчесать спутанные русые кудри. — А оно бы... хорошо бы...

«Успеет помереть, пока ты встанешь!» — подумала Жалейка, но ничего не сказала.

— Ну, зови, что ли, этих, одеваться! — решил Юрий и спустил ноги с лежанки.

— Лучше сама — ведь не добудишься никого, — проворчала девка и откинула крышку ларя в поисках свежей рубашки.

— Перечеши меня! — потребовала красавица, лениво выбираясь из пухлых перин и отбрасывая с лица растрепанные пряди.

Ее русая коса, словно змея, ползла за ней и была такой длинной, что связь ее с хозяйкой не бросалась в глаза, и коса выглядела как самостоятельное существо.

— Не могу же я все сразу делать! — Жалейка в это время оправляла на князе новую рубаху. — Сейчас Кобылиха придет, она тебя перечешет!

— Чертей этих позови из сеней, пусть они князя одевают. Что мне теперь, до вечера нечесаной сидеть?

— Подождешь! Княгиня нашлась! Тебе-то в гридницу к гостям не идти.

— Поговори у меня! — капризно прикрикнула Вялица. — Делай, что говорю, а то сразу у меня за морем Греческим окажешься!

— Не вопите, девки! — Князь поморщился. — И так голова трещит. Ялька, не ори. А ты поди растолкай Яроху, пусть красные сапоги принесет, а то на эти мне вчера козел какой-то наблевал...

Жалейка поджала губы, но ничего не ответила и вылетела в верхние сени. Когда на нее, как на всякую молодую девку в тереме, в свое время снизошла князева благосклонность, она все-таки не забывала совесть и никогда не валялась в его постели до света.

Но вот отчаянными усилиями ключницы и той части челяди, которая держалась на ногах, и терем, и сам князь приобрели достойный вид. Из гридницы спешно выгнали непроспавшихся гуляк, убрали грязную посуду, подмели объедки и замыли неблаговонные следы вчерашних излишеств. Когда Юрий спустился, только легкая припухлость под глазами позволяла догадаться, что и он во вчерашнем

буйстве не оставался сторонним наблюдателем. Поднявшись при его появлении, туровцы кланялись: Самовлад Плешкович — с достоинством, Корила и Гостяйка — подобострастно, но все одинаково дивились, каким свежим выглядит хозяин по сравнению с его домочадцами.

Берестейский князь Юрий Ярославич был красивым мужчиной: высокий, стройный, с темно-русыми кудрявыми волосами и аккуратной бородкой, с прямыми черными бровями, которые оттеняли ясную голубизну глаз. От бабок и прабабок, высватанных дедами у иноземных князей, он получил в наследство немецкую, шведскую и польскую кровь; яркая внешность, живой нрав, недурные способности могли бы дать ему немало, сумеи он достойно распорядиться этим богатством. Но отец его был человеком невезучим, и Юрий привык жить днем сегодняшним, извлекать из него как можно больше удовольствия и не думать о завтрашнем, которого может вовсе не быть. И вот, хотя ему было уже сорок, берестейский князь жил как юноша: нарядно одевался, подчеркивая свою красоту с помощью греческого самита, золотого шитья на оплечье и опястьях рубахи, а в ухе носил золотую серьгу с крупной, неправильной формы жемчужиной.

— Самовлад Плешкович! — Узнав гостя, он даже соизволил обнять его, а боярского сына Гостяйку похлопал по плечу. Держался князь дружелюбно, приветливо, словно искренне радовался гостям и ничуть не стыдился того, что его дом застали в таком неподобающем виде. — Ну, какие вести? Как Туров? Не передрался еще окончательно? Собор Борисоглебский не рухнул? Епископ Игнатий здоров ли? Все дрова колет? Топором, прости господи, по ноге еще не заехал себе?

Гости улыбались: им понравилось, что берестейский князь так хорошо помнит дух их города.